

На следующий день, закончив трапезу, Дзюэцу, облаченная в подаренное Кошуну платье дворцовой дамы, покинула дворец Ямэй. Если предстояло исследовать внутренний дворец, этот наряд был куда удобнее. — Нианьян, подожди! — Цзюцзю поспешила за быстро идущей Дзюэцу. — Ты правда идешь во дворец Хуа Нианьян? — Да. Дорожка из белого песка вела к величественному дворцу, что высился впереди. Черепица крыши была украшена уточками-мандаринками, те же уточки красовались на подвесных фонарях. Яркие пурпурные колонны, словно кисти, мазали по голубому небу. Вокруг дворца, подобно зеленому морю, раскинулись живые изгороди из цветущих роз, наполняя воздух сладким, чистым ароматом. Дзюэцу ступила на гальку перед дворцом и направилась к входу. — Как бы хорошо было, если бы и вокруг Ямэй цвели цветы... — прошептала она, любясь роскошью. Цзюцзю, казалось, завидовала, глядя на розы, посаженные рядом с галькой. — В этом месте цветы не растут. — сказала она. — А? Почему? Прежде чем Дзюэцу успела что-то ответить, позади раздался голос: — Если хочешь, можешь взять несколько. — Это была Кадзё, окруженная многочисленной свитой, словно императорская супруга в полном блеске. Она приказала стоявшему рядом слуге срезать ветку розы и подала ее Дзюэцу. Шипы были удалены. Дзюэцу положила красный цветок в волосы Цзюцзю. Маленький цветок, еще почти бутон, идеально ей подходил. На лице Цзюцзю расцвела застенчивая улыбка. Кадзю передала Дзюэцу еще одну веточку, и та положила ее в волосы Дзюэцу. — Тебе очень идет, Нианьян. — сказала она. Цзюцзю не могла видеть цветок в своих волосах, но осторожно коснулась лепестков кончиками пальцев. — Спасибо. — прошептала она. Ее пальцы, касавшиеся лепестков, были немного теплыми. — Пожалуйста, проходите внутрь. — Кадзю указала на вход во дворец. Дзюэцу и Цзюцзю, сопровождаемые Кадзю, пошли по брусчатке. Прислуга следовала позади. Дзюэцу повернула голову к дорожке, соединявшейся с соседним дворцом. По ней шли и шли дворцовые дамы, каждая несла в руках коробки. — Это товары, присланные нам морскими купцами, — объяснила Кадзю, проследив за взглядом Дзюэцу. — Чаши из лазурита, серебряные блюда, пояса с драгоценными камнями... и другие необычные вещи из стран за морем. Короче говоря, это были подношения от поставщиков для внутреннего дворца. Когда Кадзю спросила, не хочет ли Дзюэцу взглянуть на них, та покачала головой. Цзюцзю выглядела разочарованной. Войдя в комнату Кадзю, та велела своим слугам распорядиться подношениями и приказала им удалиться. — Вы пришли по поводу цветочной флейты? — спросила Кадзю, заваривая чай в чайнике. У ее ног был расстелен мягкий ковер, а в качестве разделителя комнаты использовалась красиво сотканная парчовая перегородка. На покрывале стола были вышиты утки-мандаринки. — Я хочу спросить об Оу Генюу. — сказала Дзюэцу. Рука Кадзю, помешивавшая ложкой горячую воду, замерла. — О Генюу...? О чем ты хочешь спросить? — спросила она. — Что угодно. Я хочу услышать, что ты знаешь. — Дзюэцу решила расспросить Оу Генюу, следуя просьбе Кошуна узнать побольше об Отце Лунного Света. — Гэньюу... о, да, он был похож на кипяченую воду, которую остудили. — Кадзю, глядя на воду в чайнике, улыбнулась. — Теплый и нежный... В нем была страсть, но он никогда не использовал свое тепло, чтобы причинить боль другим. — Но остывшая вода лишь на короткое время приобретает нужную температуру. Он тоже ушел из жизни раньше, чем я успела это понять. — Кадзю разлил чай по чашкам, налил в чашку и протянул ее Дзюэцу. — Охлажденная вода полезна для организма. — сказала Дзюэцу, дую на чашку. Дав чаю остыть, она медленно выпила его, окутавшись ароматом, и почувствовала, как в животе разливается тепло. — Он был государственным служащим, который прошел путь наверх после сдачи экзаменов, а не кем-то из знатной семьи. Мой дед благоволил к нему и отправил его в провинцию Реки, потому что он мог получить повышение, если бы добился там успехов. Он сказал мне, что должен занять внушительную должность, чтобы иметь возможность жениться на мне, а затем уехал в приподнятом настроении. Я должна была оставить его здесь. Продвижение по службе и все такое... — голос Кадзю дрогнул и прервался. Ее лицо на мгновение исказилось от пара, а затем она поднесла чашку к губам и опустошила ее одним глотком. — ...Чай - это не то, что должно употребляться таким образом. — Кадзю налила себе еще одну чашку и, поднеся ее ко рту,

выдохнула. — Интересно, не заблудилась ли его душа в провинции Реки? Он был умным и рассудительным, но мог быть и опрометчивым...— Души время от времени теряются. — сказала Дзюэцу, и Кадзю подняла глаза от чашки. — Так ли это? Тогда, можешь ли ты правильно направить его?— Могу. Я могу призвать его и отправить в рай. — глаза Кадзю загорелись надеждой. Дзюэцу почувствовала себя немного виноватой, подумав, не слишком ли она преувеличила. Душа Генюу не потерялась, ее нельзя было найти. Но, сидя перед Кадзё, она чувствовала себя обязанной высказать слова ободрения. Хотя Рэйдзю и говорил ей: "Ты не должна проявлять слишком много чувств к тем, кто приходит за помощью к Консарту Ворона". Раньше все было не так. Это было потому, что она никогда не общалась с другими людьми. Нехорошо, когда эмоции всколыхнуты. Это затуманивало рассудок. Ты не знал, что делать...— Леди Ворон-консорт, как вам Его Величество? — спросила Кадзю. Дзюэцу, которая была несколько взволнована, медленно отреагировала на слова Кадзю. — ...Э? Что ты имеешь в виду под "как"? — спросила она.— Его Величество, кажется, немного изменился. С тех пор, как он встретил тебя. — Кадзю продолжила. — По какой-то причине, он не тот, кто выражает свои эмоции открыто. Но, кажется, когда дело касается тебя, все иначе.— При мне он такой же невыразительный, как и при всех остальных. — сказала Дзюэцу. Кадзю улыбнулась.— Может быть, он и такой перед тобой, но когда он говорит о тебе со мной, мне кажется, он более выразителен, чем обычно. — Скорее всего, это потому, что он ослабляет свою бдительность рядом с тобой. Я тут ни при чем, подумала Дзюэцу, но ничего не сказала, потому что это было бы слишком хлопотно.— Я не могу представить его выразительным. — сказала она. На лице Кадзю появилась унылая улыбка.— Я понимаю, почему ты так думаешь... возможно, сейчас ты не можешь себе этого представить, но когда Его Величество был ребенком, он свободно смеялся и сердился. Он затих, словно запечатанный колодец, перестал делиться чувствами после Тэй Рана...— Тэй Ран? — переспросил Дзюэцу, морща лоб.— Ты не знаешь о нем? — Кадзю, казалось, сомневался, стоит ли продолжать. — Он был евнухом, служил Его Величеству в юные годы. Евнухом, но Его Величество обожал его. ...Он умер ужасной смертью.